

УДК 343.982.323
doi: 10.25724/VAMVD.A178

СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВОРОВ В ЗАКОНЕ ГРУЗИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Александр Петрович Божченко*, **Роман Георгиевич Ардашев****,
Николай Николаевич Китаев***

* Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова Минобороны России,
Санкт-Петербург, Россия, bozhchenko@mail.ru

** Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
ardashevrg@yandex.ru

*** Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия, valentusis@inbox.ru

Аннотация. В статье впервые в отечественной криминалистике и судебной медицине представлена социально-биологическая характеристика личности воров в законе (на примере лиц грузинской национальности). Материалом исследования служили дактилоскопические карты 21 преступника. Используются методы антропологии, дактилоскопии, социологии, хронобиологии и математической статистики. Установлено, что большинство воров в законе носили фамилии с окончаниями на -дзе (имеретинские) и -ия (мегрельские), были рождены в весенне-летний период. «Коронование» преступников происходило в возрасте от 18 лет до 41 года. Смерть наступала в возрасте от 24 до 65 лет с преобладанием насильственных причин. В отпечатках пальцев рук повышена частота завитковых типов узоров ($p < 0,05$). Сравнительно редко встречались белые линии сильной степени выраженности. Полученные данные свидетельствуют о наличии у воров в законе общих групповых черт акцентуации личности. Результаты исследования могут найти применение при формировании криминалистического портрета личности преступника.

Ключевые слова: вор в законе, дактилоскопия, девиантность, дерматоглифика, судебная антропология, признаки личности, факторы риска, хронобиология

Для цитирования: Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. Социально-биологическая характеристика личности воров в законе грузинской национальности // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 64–76. doi: 10.25724/VAMVD.A178

© Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н., 2023

SOCIO-BIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THIEVES IN LAW OF GEORGIAN NATIONALITY

Alexander Petrovich Bozhchenko*, **Roman Georgievich Ardashev****,
Nikolay Nikolaevich Kitaev***

* Military Medical Academy named after S. M. Kirov
of the Ministry of Defence of Russia, Saint Petersburg, Russia,
bozhchenko@mail.ru

** Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russia, ardashevg@yandex.ru

*** Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,
valentusis@inbox.ru

Abstract. For the first time in Russian criminology and forensic medicine, the article presents the socio-biological characteristics of the personality of thieves in law (using the example of persons of Georgian nationality). Fingerprint cards of 21 criminals served as the research material. The methods of anthropology, fingerprinting, sociology, chronobiology and mathematical statistics were used. It was found that most of the thieves in law had surnames ending in -dze (Imeretinsky) and -iya (Megrelian), were born from the spring-summer period. The age at which the criminals were "crowned" was from 18 to 41 years old. Death occurred between the ages of 24 and 65, with violent causes of death prevailing. The frequency of curl pattern types was increased in fingerprints ($p < 0,05$). White lines of a strong degree of severity were relatively rare. The data obtained indicate that the thieves in law have common group traits of personality accentuation. The results of the study can be used in the formation of a forensic portrait of the criminal's personality.

Keywords: thief in law, fingerprinting, deviance, dermatoglyphics, forensic anthropology, personality traits, risk factors, chronobiology

For citation: Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitaev N. N. Socio-biological characteristics of the personality of thieves in law of Georgian nationality. Forensic Examination, 64–76, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A178

Введение. Изучение личности преступника является важной исследовательской задачей, необходимой для получения ориентирующей и розыскной информации о нем, лучшего понимания мотивов совершаемых им преступлений, предугадывания дальнейших действий, изобличения в совершенных преступлениях и профилактики преступности в целом [1–3].

В отечественной криминалистической и судебно-медицинской литературе в центре внимания, как правило, оказываются преступники, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, причем большинство работ посвящено личности серийных убийц и насильников [4; 5]. Однако настолько же существенную роль играет и такая категория преступников, как воры в законе, занимающие высшее положение в иерархии преступного мира и во многом определяющие принципы и традиции его существования (организационные, финансовые, моральные) [6; 7].

Цель настоящего исследования – поиск социально-биологических признаков, характерных для лиц из криминальной группы «воры в законе».

Материалом исследования служили дактилоскопические карты (всего 21 шт.) лиц грузинской национальности, осужденных с 1974 по 2018 г. за совершение преступлений, предусмотренных различными статьями УК СССР и УК РФ (хулиганство, кража, грабеж, разбой, вымогательство, подделка документов, незаконное хранение / сбыт наркотиков или оружия и пр.), которых объединяла принадлежность к преступному сообществу воров в законе. Выбор именно такого объекта исследования был обусловлен его доступностью и потенциальной информативностью [4; 5; 8; 9]. В качестве сравнительного материала выступали сведения о частоте встречаемости дактилоскопических / дерматоглифических признаков, опубликованные в трудах по статистической дактилоскопии [10], дерматоглифике народов СССР [11; 12] и дерматоглифике преступников [4; 5; 13; 14].

Результаты исследования и их обсуждение.

А. Общая характеристика группы.

1. Согласно сведениям, содержащимся в анкетной части дактилоскопических карт, местом рождения всех обследованных лиц была Грузинская ССР, из них 7 человек родом из г. Тбилиси, 4 – из г. Кутаиси, 2 – из г. Сухуми (Абхазия), 2 – из г. Кобулет (Аджария), по 1 – из других небольших городов, поселков и сел. Полученные данные в целом пропорциональны численности населения этих населенных пунктов. Например, почти 1/3 населения Республики проживает в г. Тбилиси, такая же доля (7 из 21) приходится на количество воров в законе из столицы. В то же время население г. Кутаиси меньше почти в 7 раз, но количество воров в законе там меньше всего лишь в 1,8 раза (следовало ожидать 1, тогда как их 4), а из г. Батуми (второго по численности) в исследованной выборке, напротив, не оказалось ни одного вора в законе. Вышеуказанные данные заслуживают того, чтобы их зафиксировать как факт. Возможно, они являются отражением существования кланов в воровском мире, особенно характерных для Грузии [6]. Не исключено, что установленные расхождения связаны со статистическими погрешностями исследования в силу малочисленности анализируемой выборки воров в законе.

2. Сведений о принадлежности обследованных лиц к определенной грузинской этногеографической группе в дактилоскопических картах не имелось (как не было такой информации и на сайте Музея истории воровского мира, где все они обозначены как грузины [7]). Об этом можно было судить лишь косвенно – по особенностям фамильных окончаний. Так, с фамилией, оканчивающейся на -дзе (характерной для Западной Грузии – имеретинцы, аджарцы), было 10 человек; на -ия (присущей Западной Грузии – мегрелы) – 4; -швили (показательна для Восточной Грузии – кахетинцы, картлинцы, грузинские евреи) – 3; -ури / ули (свойственна для горных районов Восточной Грузии – хевсуры, мтиулы, пшавы) и -ава (ярко выражена в Западной Грузии – мегрелы) – по 2 человека. Обращает на себя внимание то, что мегрельских фамилий оказалось 6 (28,5 % от 21), тогда как мегрелы составляют всего лишь 9 % населения Грузии, тем самым фактическое количество воров в законе с мегрельскими фамилиями примерно в 3 раза больше ожидаемого. Как и в случае с местом рождения, этот показатель заслуживает фиксации как факта, может быть учтен, но его нельзя однозначно и достоверно интерпретировать по результатам только настоящего исследования.

3. Обследованные лица были рождены с 1955 по 1976 г., т. е. период, равный 21 году. Поскольку количество обследованных лиц также составило 21, то ожидаемая численность ежегодно рожденных будущих воров в законе равна 1, если исключить какие-либо внешние влияния на этот процесс. Кроме того, в связи с тем, что в научной литературе высказывались предположения о воздействии на поведение человека циклической солнечной активности (в частности, 11-летнего цикла) [15], нами проведена проверка данной гипотезы. Известно, что максимумы солнечной активности в исследованный период приходились на 1958 и 1968 гг. [15], между тем в годы пика солнечной активности родился только 1 человек (в 2 раза меньше ожидаемого). В то же время минимумы солнечной активности выпадали на 1964 и 1976 гг., и тогда же родились не 2 человека, как ожидалось при условии отсутствия влияния солнечной активности, а 3 (в 1,5 раза больше). Корреляция слабая ($r = -0,15$) на уровне статистической значимости $p < 0,32$.

4. Более существенным оказались помесечные и, как следствие, сезонные колебания количества рождений будущих воров в законе. В июле было рождено 7 человек (больше всего), в мае – 4, ни одного – в ноябре, декабре и феврале (при априорной вероятности рождения около 2 человек ежемесячно), а суммарно весной и летом – 16 человек, тогда как осенью и зимой – всего лишь 5 (в 3 раза меньше). Однако описанные колебания количества рождений не являются чем-то специфическим именно для воров в законе. Согласно демографическим данным, в середине и первой половине XX в. рождаемость детей всегда была больше ожидаемой с марта по июль [16]. Одно из объяснений строится на сезонном укладе жизни жителей того времени (преобладало сельское население), отсутствии у большинства из них центрального отопления и желании родителей в связи с этим ухаживать за только что родившимися детьми в теплые месяцы года. Наши данные не противоречат этому: если исключить столицу (с городским населением и сравнительно развитой коммунальной инфраструктурой), то в оставшихся населенных пунктах (селах, поселках, небольших и средних городах) на свет появилось 14 человек из числа исследованных воров в законе, на которых пришлось 5 человек, рожденных в июле (для сравнения, в Тбилиси ни одного рожденного в июле).

Ожидаемая максимальная кратность различий между месяцами наибольшего (июль) и наименьшего (февраль) количества рождений составляет тем не менее всего 1,2 [16], тогда как в нашем исследовании она оказалась больше 7, что может быть связано как со статистическими погрешностями, указанными выше, так и с иными причинами, которые еще ждут своего выяснения. В связи с этим заслуживают внимания данные о значительных помесечных колебаниях количества рождений преступников иных категорий (например, серийных убийц, которых больше всего рождается в марте, апреле и июле) [5].

5. Преступления, за которыми последовала криминальная дактилоскопическая регистрация, были совершены с 1974 по 2018 г. в возрасте от 15 полных лет (Гудушаури П. В.) до 46 лет (Абрамия Э. Г.), средний возраст преступников ($\pm$ стандартное отклонение среднего арифметического значения) составил $26 \pm 9,5$ лет. Посвящение в воры в законе (так называемое коронование) было проведено с 1975 по 2013 г. в возрасте «коронованных» лиц от 18 лет (Читрикашвили Д. Э., Чихладзе Г. А.) до 41 года (Баканидзе А. В.), средний возраст – 24 ± 6 лет.

6. Смерть обследованных лиц наступала с 1994 по 2020 г. в возрасте от 24 (Каландадзе Б. Г.) до 65 лет (Чикваидзе Р. В.); средний возраст на момент смерти – $39,5 \pm 10$ лет (чаще всего в 37 лет). Для сравнения, по данным Музея истории воровского мира [7], возраст воров в законе без учета национальности составил от 21 до 65 и более лет, а средний возраст – более 50 лет.

7. Категория (род) смерти: насильственная смерть – 13 человек (убийство – 12, самоубийство – 1); ненасильственная смерть (заболевание) – 8 человек. С целью убийства преимущественно использовалось огнестрельное оружие, реже взрывные устройства или иные средства. Наиболее частые смертельные заболевания были связаны с поражением печени (гепатит, цирроз) и сердечно-сосудистой системы (инфаркт миокарда, инсульт).

Несмотря на ненасильственный характер смерти от заболевания, в ряде случаев не исключается недиагностированное отравление, протекавшее как заболевание, а значит, фактически имел место насильственный характер смерти (убийство, самоубийство или несчастный случай, например, вследствие передозировки наркотиков). В пользу такого предположения говорит и тот факт, что средний возраст умерших составил 47 лет, тогда как средняя продолжительность жизни мужчин в исследованные годы была около 70 лет, что в 1,5 раза больше возраста наступления смерти воров в законе. Средний возраст убитых воров в законе еще меньше – 34,5 года.

8. Криминальная жизнь обследованных лиц продолжалась от 1 года (Луарсабишвили Т. Г.) до 46 лет (Чикваидзе Р. В.), средний период составил 14 ± 12 лет. В статусе вора в законе – от 0 полных лет (1 месяц – Баканидзе А. В.) до 40 лет (Силагадзе В. М.), средний период – $12,5 \pm 10$ лет. На нашем материале чем в более позднем возрасте было совершено первое преступление, тем дольше проживал обследуемый: корреляция средней силы $r = 0,35$; $p < 0,32$. Однако чем в более позднем возрасте происходило посвящение в воры в законе, тем меньшее количество лет он проживал: корреляция средней силы $r = -0,59$; $p < 0,32$.

9. На историческом отрезке в несколько десятилетий жизнь воров в законе претерпела заметные изменения. Так, рожденные в 50–60-е гг. (условная первая группа) в сравнении с рожденными в 70-е гг. XX в. (условная вторая группа) в среднем короновались в более раннем возрасте (корреляция слабой силы – $r = 0,12$), дольше пребывали в статусе вора в законе (коэффициент корреляции средней силы $r = -0,53$) и имели большую продолжительность жизни (коэффициент корреляции средней силы $r = -0,58$).

В первой группе количество убитых и умерших оказалось примерно равным (6 и 5 соответственно), тогда как во второй убитых почти в 2 раза больше (7 и 3). Большинство убитых (8 из 12) пришлось на 1994–2004 гг., умерших (7 из 8) – на 2005–2020 гг. Таким образом, в конце 1994–2004 гг. на 1 умершего приходилось 8 убитых (в 8 раз больше), в последующий период – на 7 умерших 4 убитых.

10. Согласно сведениям, содержащимся в разделе «Приметы» в примечании к дактилоскопическим картам, только 3 человека из 21 имели какие-либо приметы. Среди них были указаны ампутированный палец и / или шрам (рубец) на кончиках пальцев (изучение отпечатков пальцев показало, что в действительности уверенно распознаваемые рубцы имели место в большем количестве наблюдений –

как минимум у 7 человек). В 1 случае было отмечено, что примет нет. В остальных же случаях (в 17 из 21) раздел «Приметы» в примечании к дактилоскопическим картам оставался незаполненным.

Обращает на себя внимание во всех исследованных дактилоскопических картах отсутствие сведений о приметах других (кроме пальцев рук) областей тела, хотя данная возможность специалисту, проводящему дактилоскопирование (составителю дактилоскопической карты), предоставляется: в качестве подсказки в разделе «Приметы» указываются возможные варианты примет: «увечья, повреждения, бородавки, пятна, рубцы, шрамы, болезненные движения тела, плешивость, асимметрия лица, разноцветность глаз, картавость, заикание, татуировки и т. д.». Заметим в связи с этим, что татуировки на тыльной поверхности пальцев рук (церковь на кольце, кот на перстне и пр.), над ключицами (шестиконечные звезды, эполеты и пр.), а также других областях тела имеются у многих воров в законе и являются их отличительной особенностью, раскрывающей историю личной воровской жизни и вместе с тем свидетельствующей об их общности (принадлежности к одной преступной касте).

Б. Описательная характеристика дактилоскопических / дерматоглифических признаков.

1. Основная дактилоскопическая формула. У 21 обследованного лица встретились 19 вариантов основной дактилоскопической формулы (при этом повторились 2 варианта – «17–17» и «32–32»). В числителе самыми частыми оказались значения «32» (19,0 %), «17» (14,3 %) и «5», «9», «13», «25», «31» (по 9,5 %); в знаменателе – «17» (38,1 %), «32» (19,0 %), «28» (14,3 %) и «1» (9,5 %). Значение знаменателя чаще было больше значения числителя (в 9 случаях из 21), реже – меньше (в 7 случаях), еще реже – равное (в 5 случаях).

2. Основные типы папиллярных узоров. В выборке всех пальцев дуговые типы узоров наблюдались с частотой ($\pm$ среднеквадратичная ошибка) $7,1 \pm 1,8$ %, чаще всего на указательных пальцах левой (23,8 %) и правой (14,3 %) руки и ни разу на больших пальцах, примерно с одинаковой частотой на пальцах правой и левой руки (соответственно 6,7 и 7,6 %). Петлевые узоры радиальной ориентации встречались с частотой $2,9 \pm 1,2$ % и всегда только на указательных пальцах (по 14,3 % на каждой руке), с одинаковой частотой на пальцах правой и левой руки (по 2,9 %). Петлевые узоры ульнарной ориентации встречались с частотой $44,8 \pm 3,2$ %, чаще всего на мизинцах левой (81,0 %) и правой (76,2 %) руки и реже всего на указательных пальцах правой руки (14,3 %), в целом чаще на пальцах левой руки (соответственно 38,1 и 51,4 %). Завитковые узоры оказались самыми распространенными – они наблюдались в $45,2 \pm 3,2$ %, чаще всего на больших пальцах правой (76,2 %) и левой (57,1 %) руки и реже всего на мизинцах (по 19,0 % на каждой руке), в целом чаще на пальцах правой руки (52,4 и 45,2 %).

3. Типы папиллярных узоров, используемые для составления дополнительной дактилоскопической формулы, распределились по пальцам и рукам так, как представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Частота встречаемости типов папиллярных узоров пальцев рук
в группе воров в законе грузинской национальности, %**

Код типа узора	Пальцы правой руки						Пальцы левой руки						Обе руки
	1	2	3	4	5	Ср.	6	7	8	9	10	Ср.	
1	0,0	14,3	9,5	4,8	4,7	6,7	0,0	23,8	9,5	4,8	0,0	7,6	7,1
2	0,0	14,3	0,0	0,0	0,0	2,9	0,0	14,3	0,0	0,0	0,0	2,9	2,9
3	0,0	9,5	28,6	14,3	14,2	13,3	0,0	4,8	14,3	9,5	28,6	11,4	12,4
4	0,0	0,0	0,0	9,5	19,0	5,7	9,5	0,0	19,0	9,5	9,5	9,5	7,6
5	0,0	4,8	4,8	4,8	19,0	6,7	4,8	4,8	14,3	28,6	28,6	16,2	11,4
6	23,8	0,0	9,5	4,8	23,8	12,4	28,6	9,5	9,5	9,5	14,3	14,3	13,3
7	23,8	42,9	9,5	23,8	0,0	20,0	47,6	9,5	23,8	28,6	19,0	25,7	22,9
8	14,3	9,5	19,0	19,0	4,8	13,3	4,8	9,5	4,8	9,5	0,0	5,7	9,5
9	38,1	4,8	19,0	19,0	14,3	19,0	4,8	23,8	4,8	0,0	0,0	6,7	12,9

Обращает на себя внимание тот факт, что среди петлевых узоров ульнарной ориентации преобладали такие, в которых гребневой счет (количество папиллярных гребней от центра узора до дельты) был 17 и больше (условный код «б»), – встречались в 13,3 %, а среди завитковых узоров самыми частыми оказались узоры с внутренним положением левой дельты (условный код «7») – встречались в 22,9 %.

По ряду типов узоров наблюдались значительные отличия частоты встречаемости по рукам. Так, петлевые узоры ульнарной ориентации с гребневым счетом от 14 до 16 (условный код «5») на правой руке имели частоту 6,7 %, тогда как на левой – 16,2 % (в 2,5 раза больше); завитковые узоры с наружным положением левой дельты на правой руке имели частоту 19,0 %, тогда как на левой – 6,7 % (почти в 3 раза меньше).

4. Пальцевые приметы. У 7 человек в отпечатках пальцев уверенно распознавались линейные (характерные для порезов) и округлые (свойственные для ожогов) рубцы, которые чаще всего располагались на указательном пальце левой руки (4 случая), большом пальце левой руки (3 случая) и большом пальце правой руки (3 случая), а в 3 наблюдениях у 1 человека имели место сразу 2–3 рубца. У 4 человек в отпечатках пальцев отмечалось обилие горизонтально-ориентированных белых линий, у 3 – обилие белых точек. У 7 человек «сердцевина» завитковых узоров имела вертикальную линию или форму вертикально вытянутого овала по типу «кошачьего глаза» (причем на всех пальцах, а исключение если и было, то касалось узоров больших пальцев).

В. Сравнительный анализ дактилоскопических / дерматоглифических признаков.

1. По данным исследований в области статистической дактилоскопии, наиболее близких по исследованному материалу к представителям грузинской национальности, частота встречаемости дуговых узоров – 7,4 %, петлевых (без разделения узоров по ориентации) – 67,0 %, завитковых – 25,6 % (исследовано

500 отпечатков [10]). По нашим данным, в отношении воров в законе грузинской национальности эти же показатели равны, соответственно, 7,1, 47,6 и 45,2 %. Различия по петлевым и завитковым узорам статистически значимые (на уровне $p < 0,01$). Таким образом, можно заключить, что для воров в законе более характерны завитковые узоры и менее всего петлевые.

2. Согласно антропологическим исследованиям, частота встречаемости типов узоров у большинства грузинских этногеографических групп варьирует в не очень широком диапазоне (исключение составляют мегрелы, сваны и небольшие этногруппы, проживающие изолированно в высокогорных районах Грузии) [11; 12]. В таблице 2 представлены сводные данные в отношении некоторых грузинских народностей (в наибольшей мере соответствующих месту рождения и фамилии обследуемых лиц из группы воров в законе).

Таблица 2

Частота встречаемости типов узоров в популяциях мужчин различных грузинских народностей (этногеографических групп) и среди воров в законе, %

Источник (автор)	Народность	Количество обследованных лиц	Типы узоров			
			A	Lr	Lu	W
Хить Г. Л., 1983	Кахетинцы	90	7,2	4,7	51,1	37,0
	Имеретинцы	100	4,2	3,8	47,3	44,7
	Картлинцы	106	4,6	2,8	58,5	34,1
	Мохевцы	100	6,4	3,1	40,3	51,1
	Хевсуры	100	5,5	4,0	51,0	38,5
Гладкова Т. Д., 1966	Мегрелы	71	0,9	1,8	61,0	36,3
Всего / в среднем в популяции		567	5,0	3,4	51,1	40,5
Наши данные	Воры в законе	21	7,1	2,9	40,0	50,0

Для корректного сравнительного анализа дерматоглифики воров в законе со средними популяционными показателями дерматоглифики грузинских народностей следует учесть, что в антропологических исследованиях папиллярные узоры, являющиеся переходными между петлевыми и завитковыми, как правило, относят к завитковым. В соответствии с этим частота типов папиллярных узоров воров в законе выглядит следующим образом: для дуговых узоров – $7,1 \pm 1,8$ %; для петлевых узоров радиальной ориентации – $2,9 \pm 1,2$ %, ульнарной ориентации – $40,0 \pm 3,4$ % (меньше, нежели в таблице 1); для завитковых узоров – $50,0 \pm 3,1$ % (больше, нежели в таблице 1).

Сравнивая эти скорректированные данные со средними популяционными показателями дерматоглифики грузинских народностей (табл. 2), установили, что в группе воров в законе грузинской национальности частота встречаемости дуговых узоров в 1,4 раза больше, чем в среднем среди мужчин-грузин, – соответственно 7,1 и 5,0 % ($p < 0,32$). Частота встречаемости петлевых узоров радиальной

ориентации меньше в 1,2 раза – соответственно 2,9 и 3,4 % ($p > 0,32$). Частота встречаемости петлевых узоров ульнарной ориентации в 1,3 раза меньше – соответственно 40,0 и 51,1 % ($p < 0,01$). Частота встречаемости завитковых (включая переходные) узоров в 1,2 раза больше – соответственно 50,0 и 40,5 % ($p < 0,05$).

Примечательно соотношение распространенности различных типов узоров в сравниваемых группах. Так, соотношение петлевых узоров ульнарной ориентации и дуговых узоров среди воров в законе – 5,6, в популяции – 10,3 (в 1,8 раза больше); соотношение завитковых узоров и петлевых узоров радиальной ориентации соответственно 17,2 и 11,8 (в популяции в 1,5 раза меньше); соотношение дуговых узоров и петлевых узоров радиальной ориентации – 2,4 и 1,4 (в популяции в 1,7 раза меньше). Во всех случаях различия статистически значимы (на уровне $p < 0,05$).

3. По данным [4], особенностью лиц с преступным поведением является «скрытое левшество» – левосторонняя асимметрия типов узоров на больших пальцах (петлевой узор на большом пальце правой руки и завитковый узор на большом пальце левой руки) у людей, пишущих и выполняющих другие сложные действия правой рукой. Если в среднем в популяции такой тип асимметрии имеет место всего в 4,5 %, то среди серийных убийц якобы в 80 % (национальный состав обследованных лиц авторы указанного исследования не указывали). В нашей выборке воров в законе такой вариант дерматоглифики встретился лишь в 1 случае из 21 (еще в 2 случаях наблюдалось сочетание петлевого узора на большом пальце правой руки не с истинным завитковым, а с переходным между петлевым и завитковым узором на большом пальце левой руки). В первом варианте частота встречаемости – 4,7 %, во втором – 14,3 %, что соответствует либо среднему значению в популяции, либо значительно ближе к нему, нежели к показателю, характерному для преступников, установленному в работе [4].

На основании сведений из работы [17] у осужденных с деформациями в нравственной сфере (англичан) имела место более высокая встречаемость завитковых узоров. Согласно исследованию [14], для серийных убийц (преимущественно русских) также характерно повышенное количество завитковых типов узоров и при этом дополнительно равное их количество (при наличии) на пальцах правой руки в сравнении с левой. В выборке воров в законе такое равенство наблюдалось в 4 случаях, что составило 19,0 %, среди серийных убийц – 9,2 %, в контроле – 2,1 %. Однако такие признаки пока нельзя расценивать как надежный маркер девиантности вообще и степени ее выраженности тем более, поскольку сравниваемые лица сформированы из представителей различных этногеографических групп, а это существенный фактор, определяющий частоту встречаемости типов узоров и их распределение по рукам и пальцам. Вместе с тем нельзя не признать, что сходство результатов, полученных разными исследователями и в разных этногеографических группах, – признак существования определенной закономерности, а увеличение среди воров в законе именно завитковых узоров как маркеров сложной организации психических процессов коррелирует с характерными для них типами поведения (лидерство, умение коммуницировать, способность быстро ориентироваться в ситуации).

4. Дополнительно в качестве материала для сравнения заслуживают внимания результаты психолого-криминалистического исследования взаимосвязи «узоров папиллярных линий» с психологическими свойствами личности (психотипами) 250 мужчин и женщин, выполненного на базе криминалистической лаборатории юридического института Томского государственного университета [18]. Одним из выводов этой работы было утверждение, что у людей одинаковой акцентуации (например, у шизоидов, эллиптоидов, циклоидов или истероидов) часто встречаются не только однотипные папиллярные узоры или их сочетания, но и одинаковые подвиды папиллярных узоров. Такого же рода наблюдения имели место и в нашем исследовании воров в законе, которых можно отнести к лицам, имеющим сходную акцентуацию (особого типа): например, частую встречаемость завитковых узоров с сердцевинной в форме «кошачьего глаза», о чем было сказано выше.

Авторы также отмечают, что большое количество белых линий в поле папиллярного узора свойственно представителям тех типов акцентуации личности, которые характеризуются избыточной эмоциональностью. В нашем исследовании воров в законе этот признак был сравнительно редким (у 4 человек из 21), что можно трактовать как преобладание у них противоположного качества – эмоциональной холодности. Для более категорического суждения требовалось бы учесть пол и возраст обследуемых лиц, от которых зависит количество белых линий [19], что, к сожалению, не представилось возможным сделать, поскольку в упомянутом выше исследовании [18] пол и возраст обследованных лиц с повышенной эмоциональностью не был указан.

Заключение. Результаты проведенного исследования показывают, что воры в законе имеют большое количество общих врожденных и приобретенных групповых черт, проявляющихся в их социальных, этногеографических, хронобиологических и дактилоскопических характеристиках.

Сходство социальных и этногеографических характеристик можно связать, прежде всего, с социально-экономической природой и клановой сутью воровского мира, особенно характерной для воров в законе грузинской национальности (рост численности таких лиц в периоды экономического кризиса, начало преступной жизни с небольшими преступлениями, большое количество воров в законе из одного города, из одной этнической группы, уменьшение средней продолжительности жизни, насильственные причины смерти).

Кроме того, сходство хронобиологических и дактилоскопических характеристик (рождение преимущественно в весенне-летний период, наличие в отпечатках пальцев малого количества белых линий, повышение частоты встречаемости завитковых типов папиллярных узоров и пр.), коррелирующих с силой, скоростью и уравновешенностью психических процессов, обусловлено типовыми особенностями акцентуации личности воров в законе (организованность, целеустремленность, воля, эмоциональная холодность и т. п.), позволяющими им завоевывать в преступной среде роль лидера (авторитета).

Большинство биологических маркеров являются врожденными, отражают особенности функционирования головного мозга и, как следствие, способности личности к социальной адаптации. Их наличие увеличивает вероятность фор-

мирования отклоняющегося поведения, но не определяет конкретную форму девиации, зависящую не только от биологических, но и социальных факторов, что предугадывает необходимость комплексного подхода при их оценке.

Доступность перечисленных выше характеристик делает возможным получение дополнительной информации о личности преступника, необходимой для формирования его наиболее полного криминалистического портрета.

Список источников

1. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 427 с.
2. Курин А. А. Направления совершенствования учения о криминалистической регистрации в современных условиях // Судебная экспертиза. 2023. № 2. С. 18–29.
3. Протопопов А. Л., Ардашев Р. Г. Вопросы использования специальных знаний в расследовании преступлений. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 252 с.
4. Богданов Н. Н., Самищенко С. С., Хвыля-Олинтер А. И. Дерматоглифика серийных убийц // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 61–65.
5. Яровенко В. В., Ардашев Р. Г. Дактилоскопическая и дерматоглифическая характеристика папиллярных узоров пальцев рук серийных убийц, совершивших преступления из корыстных побуждений // Юридические исследования. 2020. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34697 (дата обращения: 22.09.2023).
6. Кузьмин А. В. «Воры в законе» в СССР и России // Научный компонент. 2019. № 3. С. 110–116.
7. Полный список воров в законе. URL: <http://www.primecrime.ru/characters> (дата обращения: 22.09.2023).
8. Возможности и перспективы дерматоглифики в медицине / А. П. Божченко, И. А. Толмачев, Е. Б. Толмачева, В. Д. Исаков // Военно-медицинский журнал. 2008. № 12 (329). С. 19–24.
9. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Нерешенные проблемы дактилоскопии и криминалистической дерматоглифики // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3. С. 279–281.
10. Палиашвили А. А. К вопросу о статистическом методе определения идентификационной ценности деталей папиллярных узоров в дактилоскопической экспертизе // Вопросы криминалистики. 1963. № 8–9 (23–24). С. 201–207.
11. Гладкова Т. Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьяны и человека. Москва: Наука, 1966. 151 с.
12. Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. Москва: Наука, 1983. 280 с.
13. Бадиков К. Н. Психодерматоглифический анализ генетической программы поведения // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 3. С. 17–25.
14. Божченко А. П., Гомон А. А., Якушев В. В. Особенности дактилоскопических формул серийных убийц // Судебная экспертиза. 2021. № 2 (66). С. 17–25.
15. Наговицын Ю. А. Глобальная активность Солнца на длительных временах // Астрофизический бюллетень. 2008. № 1. С. 45–58.
16. Захарова О. Д. Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы // Демография. 1991. № 4. С. 42–52.

17. Jaguin N. The hand of man. London: Faber & Faber Ltd., 1934. 268 p.
18. Скоревич А. С., Фоминых И. С., Ахмедшин Р. Л. О взаимосвязи между особенностями папиллярного узора и психологическими свойствами личности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 178–186.
19. Божченко А. П. Диагностика возраста человека по папиллярному рисунку пальцев рук // Эксперт-криминалист. 2009. № 3. С. 27–32.

References

1. Kitaev N. N., Kitaeva V. N. Expert psychological research in criminal proceedings: problems, practice, prospects. Irkutsk: Publishing house of BSUEP; 2002: 427. (In Russ.).
2. Kurin A. A. Directions for improving the doctrine of criminalistic registration in modern conditions. Forensic examination, 18–29, 2023. (In Russ.).
3. Protopopov A. L., Ardashev R. G. Questions of the use of special knowledge in the investigation of crimes. Ulan-Ude: Buryat State University Press; 2020: 252. (In Russ.).
4. Bogdanov N. N., Samishchenko S. S., Khvylya-Olinter A. I. Dermatoglyphics of serial killers. Questions of psychology, 61–65, 1998. (In Russ.).
5. Yarovenko V. V., Ardashev R. G. Fingerprinting and dermatoglyphic characteristics of papillary patterns of the fingers of serial killers who committed crimes out of self-fish motives. Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34697. Accessed: 22 September 2023. (In Russ.).
6. Kuzmin A. V. "Thieves in law" in the USSR and Russia. Scientific component, 110–116, 2019. (In Russ.).
7. A complete list of thieves in law. Available from: <http://www.primecrime.ru/characters>. Accessed: 22 September 2023. (In Russ.).
8. Bozhchenko A. P., Tolmachev I. A., Tolmacheva E. B., Isakov V. D. Possibilities and prospects of dermatoglyphics in medicine. Military Medical Journal, 19–24, 2008. (In Russ.).
9. Shamurzaev T. T., Ardashev R. G. Unsolved problems of fingerprinting and forensic dermatoglyphics. Law and the State: theory and practice, 279–281, 2021. (In Russ.).
10. Paliashvili A. A. On the question of the statistical method of determining the identification value of the details of papillary patterns in fingerprint examination. Questions of criminalistics, 201–207, 1963. (In Russ.).
11. Gladkova T. D. Skin patterns of the hand and foot of monkeys and humans. Moscow: Nauka; 1966: 151. (In Russ.).
12. Khit G. L. Dermatoglyphics of the peoples of the USSR. Moscow: Nauka; 1983: 280. (In Russ.).
13. Badikov K. N. Psychodermatoglyphic analysis of the genetic program of behavior. Police and investigative activity, 17–25, 2015. (In Russ.).
14. Bozhchenko A. P., Gomon A. A., Yakushev V. V. Features of fingerprint formulas of serial killers. Forensic examination, 17–25, 2021. (In Russ.).
15. Nagovitsyn Yu. A. Global activity of the Sun for long periods. Astrophysical Bulletin, 45–58, 2008. (In Russ.).
16. Zakharova O. D. Demographic situation in the USSR in the 80s. Demography, 42–52, 1991. (In Russ.).

17. Jaguin N. The hand of man. London: Faber & Faber Ltd.; 1934: 268. (In Eng.).
18. Skorevich A. S., Fominykh I. S., Akhmedshin R. L. On the relationship between the features of the papillary pattern and the psychological properties of personality. Bulletin of Tomsk State University, 178–186, 2016. (In Russ.).
19. Bozhchenko A. P. Diagnosis of human age by papillary finger pattern. Expert criminalist, 27–32, 2009. (In Russ.).

Божченко Александр Петрович,

профессор кафедры судебной медицины и медицинского права
Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова Минобороны России,
доктор медицинских наук, профессор; bozhchenko@mail.ru

Ардашев Роман Георгиевич,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Сибирского юридического института МВД России,
доктор философских наук, кандидат юридических наук; ardashevrg@yandex.ru

Китаев Николай Николаевич,

доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального
исследовательского технического университета,
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ;
valentusis@inbox.ru

Bozhchenko Alexander Petrovich,

professor of the department of forensic medicine and medical law
of the Military Medical Academy named after S. M. Kirov
of the Ministry of Defence of Russia,
doctor of medical sciences, professor; bozhchenko@mail.ru

Ardashev Roman Georgievich,

associate professor of the department
of humanities and socio-economic disciplines
of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of philosophical sciences, candidate of juridical sciences;
ardashevrg@yandex.ru

Kitaev Nikolay Nikolaevich,

associate professor of the law department
of the Irkutsk National Research Technical University,
candidate of juridical sciences, associate professor,
honored lawyer of the Russian Federation; valentusis@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования
11.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted
for publication 24.11.2023.

* * *